

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/19986645/27/8

В.С. Киселев, Т.А. Васильева

## **ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА УКРАИНЫ В ИМПЕРСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.: РЕГИОНАЛИЗМ, ЭТНОГРАФИЗМ, ПОЛИТИЗАЦИЯ (СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ. «МЕЖДУ ПОЛЬШЕЙ И РОССИЕЙ»)**

*В статье рассматриваются особенности трансформации образа Украины в русской словесности первой четверти XIX в. (возрождение казацкой тематики, превращение польских реалий в устойчивый элемент местного колорита, актуализация вопроса «инаковости» малороссийского пространства и т.д.), явившиеся результатом вхождения Правобережной Украины в состав Российской империи в ходе разделов Речи Посполитой 1792 и 1795 гг. и сопутствующих этому последствий историко-политического и социокультурного характера.*

*Ключевые слова: русская литература, украинская литература, «польский вопрос», образ Украины, национализм, регионализм, этнографизм.*

### **I**

На рубеже XVIII и XIX вв. успешная интеграция Малороссии в социально-политическое и культурное пространство империи оказалась существенно проблематизирована новыми обстоятельствами – присоединением Правобережной Украины в ходе разделов Речи Посполитой 1792 и 1795 гг. Тем самым Левобережная Украина, прежний рубеж Российской империи, превратилась во внутреннюю область, что усиливало объединяющие связи и делало эфемерной надежду на восстановление автономии. Но, с другой стороны, Малороссия теперь должна была выполнять роль культурно-политического посредника, своеобразного буфера в отношениях империи с еще не ассимилированным и, более того, сопротивляющимся русификации населением. Так, вроде бы уже снятый «украинский вопрос» соединился с «польским вопросом» и вызвал к жизни целый ряд новых проблем, существенно сказавшихся на образе Малороссии.

Прежде всего, это была проблема польского наследия в истории, социально-политической организации, культуре. Его оценка и характеристика находились в тесной зависимости от двух конкурирующих идеологий – имперской и польской, вступивших в своеобразную борьбу за Украину. Суть их обозначилась уже в ходе разделов Речи Посполитой, где Екатерина II явилась в роли защитницы православного населения (диссидентов) и апеллировала к единству украинских и русских земель со времен Древнего Киева: «<...> ни одной пяди земли “древней”, настоящей Польши не взяла и не хотела приобретать <...>. России <...> населенные поляками земли не нужны» (цит. по:

[1. Ч. 1. С. 19–20)]<sup>1</sup>. Акт аннексии воспринимался в подобном контексте как восстановление исторической справедливости и, более того, как своеобразная месть за польскую интервенцию Смутного времени. Эти мотивы были развиты в том числе и в многочисленных одах, посвященных разгрому восстания Т. Костюшко и взятию Варшавы А.В. Суворовым («На взятие Варшавы» Г.Р. Державина, «Солдатская песнь на взятие Варшавы» Н.А. Львова, «Эпистола на взятие Варшавы» Е.И. Кострова, «Пean, или Песнь на победы <...> над мятежниками польскими <...>» Г.Р. Рубана, «Ода на покорение Польши» А.С. Шишкова, «Глас патриота на взятие Варшавы» И.И. Дмитриева и т. д.)<sup>2</sup>.

Канонический вид «польскому» идеологическому комплексу (древнее единство, конфессиональная и этническая общность, воздаяние за интервенцию) придал Н.М. Карамзин в «Историческом похвальном слове Екатерине Великой» (1802), где нарисовал образ деградирующей от анархического республиканства Речи Посполитой и противопоставил ей мощную государственность России, правомочного владельца незаконно отторгнутых («давно ли она, пользуясь его (Российского государства) изнеможением, хищною рукою хватала в свое подданство целые княжества российские?» [5. С. 290]), находящихся в небрежении и, более того, дискриминируемых украинско-литовских земель: «Монархия взяла в Польше только древнее наше достоинство, и когда уже слабый дух ветхой республики не мог управлять ее пространством. <...> Полотск и Могилев возвратились в недра своего отечества, подобно детям, которые, быв долго в горестном отсутствии, с радостью возвращаются в недра счастливого родительского семейства» [5. С. 290]]<sup>3</sup>.

Речь Посполитая в последний период существования, однако, также искала пути внутренней интеграции, создания из полиэтничного населения (поляки, литовцы, украинцы, белорусы и др.) единой нации. Деятели польского Просвещения, в том числе Т. Костюшко и Г. Коллонтай, неременной предпосылкой для обновления государства считали распространение польского языка и культуры<sup>4</sup>. Основой их идеологии выступала мысль о национальной одноприродности «кресов» (этнических провинций) и Коронной Польши, после разделов превратившаяся в разветвленную мифологию, питательную почву польского украинофильства, с образом идиллического единства культур в центре. Как констатировал А.И. Миллер, «украинофильство в этом случае выступало как любовь к краю, являющемуся частью Речи Посполитой, а украинская специфика трактовалась либо просто как региональная, либо как этническая, но не исключаящая Украину из польского мира» [10]. Одним из ранних воплощений подобной мифологии выступили многоязычные «Фрагменты исторические и географические о Скифии, Сарматии и славянах» (1795) Я. Потоцкого [11], где, в частности, обосновывалось общее скифско-сарматское происхождение украинцев и поляков и их отличие от русских, и

<sup>1</sup> Подробный анализ российской дипломатии разделов и ее идеологических обоснований см. в работах [2, 3].

<sup>2</sup> Подробнее см.: [4. С. 35–38].

<sup>3</sup> Подробнее о карамзинской концепции см.: [6. Р. 70–76; 7. С. 181–243].

<sup>4</sup> Подробнее о политике Речи Посполитой на Правобережной Украине в конце XVIII в. и социально-политических процессах в среде местной шляхты, мещанства и крестьянства см.: [8. С. 308–345]. О языковой стратегии в регионе см. также: [9. С. 53–92].

статья «О названии Украина и зарождении казачества» (1801) Т. Чацкого [12], в которой общий этногенез возводился к племени укров, переселившихся в VII в. из-за Волги. В какой-то степени Т. Чацкий выступил учителем А. Чарноцкого (З. Доленга-Ходаковского), отказавшегося от сарматской теории, но развившего концепцию общего славянского мира с генетически единым языком, мифологией, культурой (см. предыдущую нашу статью). По пути А. Чарноцкого пошло в 1820–1830-х гг. целое поколение польских украинофилов – Т. Падура, Д.И. Зубрицкий, К. Бродзинский, В. Залесский, Ж. Паули, Л. Голембовский и др., занявшихся собиранием и публикацией фольклорно-этнографического материала<sup>1</sup>.

При том что в свое время планомерную полонизацию «кресов» Речи Посполитой провести не удалось, они представляли собой чрезвычайно специфичную социокультурную систему, по сути, гибридную. Так, основное население Правобережья составляли этнические украинцы, главным образом крестьяне, которые в сословной иерархии занимали самое низкое место и не имели собственной национальной идентификации. Ее заменой выступал культурный консерватизм – приверженность традиционной вере (православию и униатству, воспринятому в большинстве поверхностно, на уровне внешней обрядности<sup>2</sup>), языку и обычаям, проводившая социальные границы с элитой и питавшая часто бунтарские настроения (гайдамаки, Колиивщина), но не имевшая сепаратистских акцентов.

Правобережная элита в лице многочисленной шляхты, основной адресат имперской политики и второй компонент гибридной социокультурной системы, в начале XIX в. была на 90% польской и определяла уклад общественной жизни. Идеалы дворянской демократии и самоуправления, польские формы социального поведения, проникнутые духом сарматизма, польский язык и искусство, в том числе литература, являлись для шляхты элементами региональной самоидентификации, органичной для «кресов» Речи Посполитой. Подобный этос, широко представленный в том числе и в воспоминаниях украинских шляхтичей конца XVIII – первой половины XIX в. (Г. Олизара [18. № 8. С. 1–41], М.С. Чайковского [19. Т. 84. № 11. С. 161–184; № 12. С. 149–187; 20. Т. 85, № 1. С. 163–176], П.Д. Селецкого [21] и др.), выразительно охарактеризовала Н.Н. Яковенко: «Безсумнівною престижністю користувався "старопольський" тип шляхтича – втілення чеснот справжнього сармата – хороброго воїна, вірного сина вітчизни, безхитрісного адепта *золотих вольностей*, якого з рештою шляхти еднають ідеали рівності й *братерства крові*. <...> тут панують однакові стандарти вартостей, серед яких головна роль відведена чоловічим забавам – полюванню, пияцтву і *політиці*, тобто участі в сеймикових з'їздах, головних осередках провінційного публічного життя. Інший же бік сарматських чеснот являв собою наївну Глорифікацію старовини, загумінковий консерватизм і загальнокультурну обмеженість, надійно відгороджену від світу схоластичною риторикою єзуїтської шкільної освіти» [8. С. 319].

<sup>1</sup> См. обзор польско-украинской фольклористики: [13. Т. 1. С. 278–288; 14; 15; 16].

<sup>2</sup> Подробнее см.: [8. С. 337–341; 17].

Приверженность польскому, заметим, не мешала многим шляхтичам, в том числе магнатам, исповедовать казацкий дух и вольности, показательный образец чего предлагают, например, воспоминания М.С. Чайковского о своем деде Михаиле Глембоцком: «Он относился к казакам как грозный шляхтич, к ляхам – как гордый казак; к русским и немцам – как непримиримый поляк» [19. С. 162]. Подобная многовекторная идентичность вполне способна была примениться к российским условиям, что определяло в целом лояльное отношение польско-украинской элиты к империи. Так, Станислав Щенсны Потоцкий, неофициальный глава Тарговицкой конфедерации и один из идеологов польского раздела, писал в конце 1790-х гг.: «Не стану больше говорить о прежней Польше и поляках. Исчезло и это имя, как исчезло столько других в истории, я уже чувствую себя навсегда русским» (цит. по: [22. С. 76–77]). Это мнение, кто добровольно, а больше поневоле, могли высказать многие шляхтичи, вынужденные принять российское доминирование – в обмен на определенные преференции власти, имущественные, карьерные, социальные.

За первые десятилетия XIX в. гибридная социокультурная ситуация, сложившаяся еще в составе Речи Посполитой (украинское крестьянство / полонизированная шляхта), мало изменилась, свидетельствуя о своеобразной консервации этно-сословных разделений с их сложившимися идентичностями, что констатировал А.Г. Глаголев в 1823 г., проезжая через Правобережье по пути в Европу: «Народонаселение Волыни и Подолии преимущественно состоит из трех племен: русских (в их число автор включал и украинцев. – *В.К., Т.А.*), поляков и евреев. Каждое из них исповедует особую веру и, что всего примечательнее, занимает особую степень в гражданском обществе. Все, называющие себя поляками <...> находятся в шляхетском или духовном звании; евреи составляют среднее сословие, т.е. купечество и мещанство; а русские <...> принадлежат к низшему разряду общества: к крестьянам и вообще черни. Нельзя не заметить в этом следов политики прежнего польского правительства <...>» [23. С. 122–123].

Это социокультурное наследие составило серьезную проблему для империи. Ее решение не вылилось в системные усилия по ассимиляции, как было во второй половине XVIII в. с Гетманщиной, и представляло собой до событий 1830–1831 гг. ряд отдельных социально-политических мероприятий, главным из которых являлось уже испытанное средство. Взамен лояльности представители польской шляхты получали возможность войти в состав дворянской элиты империи, а также право принимать участие в административно-политической деятельности – как местной, так и общероссийской. Последним активно воспользовались многие выходцы из шляхетских семей, тесно связанных с Россией еще со второй половины XVIII в. (блестящая петербургская карьера Адама и Константина Чарторыйских, Яна, Станислава и Щенсны Потоцких, М. Огинского, Ф.К. Браницкого и др., в культурной сфере – живописца А. Орловского, композитора Ю. Козловского, пианистки М. Шимановской и пр.)<sup>1</sup>. Подобный отказ от глубокой русификации поддерживал влияние польских социокультурных форм, распространенных не только на Правобережной Украине, но и в пограничных регионах, в особен-

<sup>1</sup> О столичных карьерах поляков в первой трети XIX в. см.: [24, 25, 26].

ности в Киевской губернии, где по переписи 1811 г. жило 1172 русских и 43 тысячи польских дворян.

Польский облик региона фиксировали имперские путешествия. Так, И.М. Долгорукий поражался в 1810 г. многочисленности и амбициозности польских помещиков в Киеве: «Все знают, что такое Контракты: они начинаются в генваре и продолжаются недели три. В эту бешеную пору <...> поляки наезжают кучами отвсюда для своих продаж, разменов, аренд и откупов. Из карманов их посыплются кучи золота, и я видел такие дома, которые невероятный дают хозяину доход <...>» [27. Кн. 3. С. 262].

Не укрылось от его внимания и фактическое отсутствие мер русификации в среде шляхты: («Я не утаю примечания, общего между помещиками русскими, что поляки детей своих не учат по-русски и, кажется, будто местоначальники на это смотрят равнодушно» [27. С. 245]), что, впрочем, путешественник извинял сложностью управления многонациональным регионом: «Губерния наполнена всяким народом: в ней поляки, малороссы (хохлы) и россияне; разность прав, нравов и обычаев каждого из них наносят служащим большие хлопоты и затруднения» [27. С. 261].

В 1817 г., после второго путешествия на Украину, И.М. Долгорукий высказался более определенно, сетуя на «странную» политику правительства, не идущего по пути унификации, а, наоборот, оставлявшего полякам слишком большие свободы – в ущерб малороссийской элите, мыслящейся уже как русская: «Прежде отторженные провинции польские вступали в права и преимущество и под закон той державы, которая их к себе присоединила: ныне, напротив, не только оставлены права и законы тем областям, в коих одни живут поляки, но и в самой древней российской провинции, Киевской, введены польские суды, статуты и язык, потому только, что несколько поветов вошли в состав ее из земель польских, и вместо того, чтоб заставить поляков плясать по дудке русской, россияне, живущие здесь вместе с ними, должны подлаживаться под их учреждения и обучаться их языку, когда, как выше сказано, поляк по-русски не хочет и говорить» [28. Кн. 2. С. 150–151].

Даже запоздалые усилия по русификации западных губерний, в том числе пограничных территорий Левобережной Украины, начавшиеся после польского восстания 1830–1831 гг., мало сказались на их социокультурном облике. Выразительную картину Киева в этом контексте оставил С.А. Маслов, ученый, секретарь Императорского московского общества сельского хозяйства и учредитель «Земледельческого журнала»: «Станным однакож показалось мне смешение русских с поляками; даже и на гулянье заметно, что между ими еще не совершилось однородного сродства. Вообще Киев в гражданском быту носит на себе отпечаток польских нравов <...>. Между жителями чаще слышится польский, нежели русский язык, и не будь в Киеве русской святыни, которая в нем владычествует и привлекает к себе сердца россиян, тогда это был бы не более как завоеванный от Польши город» [29. С. 61].

Главным орудием полонизации выступила система образования, получение которого для польской шляхты, также как и для бывшего малороссийского казачества, было и элементом престижа, и – в случае мелкого и безземельного дворянства – едва ли не единственным социальным лифтом. Общность интересов способствовала в 1800–1810-х гг. развитию школ, где образование

проходило на польском языке и с набором дисциплин и программ, утвержденных еще Эдукационной комиссией (1773–1776). Империи, только приступившей к реформе образования и, по сути, пошедшей по пути Речи Посполитой, на определенном этапе выгоднее было принять польское наследие в готовом виде, создав единый Виленский учебный округ (Подолье, Волынь, малороссийские, белорусские и литовские губернии) под попечительством А.Е. Чарторыйского и инспектированием неутомимого ревнителя польского просвещения Т. Чацкого<sup>1</sup>. Благодаря его усилиям и поддержке польской шляхты как в Петербурге, так и на местах вскоре были открыты новые учебные заведения (Волынская гимназия в Кременце, мужская Подольская гимназия и др.). В них, как и в старые школы, не исключая русских гимназий и Харьковского университета, пришли многие преподаватели из Вильно и из присоединенного позже Царства Польского, откуда доставлялась, кроме того, литература, формировались библиотеки. Увеличилось и количество ординарных польских школ (в Бердичеве, Меджибоже, Клевани, Теофильполе и др.). Этой образовательной экспансии правительство стало противопоставлять ограничительные меры лишь к началу 1820-х гг., а к решительной русификации образования приступило только после событий 1830–1831 гг.

Польский облик украинских школ и гимназий отразился в художественной прозе и путешествиях 1800–1820-х гг.<sup>2</sup> Этот элемент образа Украины стал настолько устойчивым, что бурсак или студент воспринимался в качестве неперменного персонажа, черты местного колорита. Одним из первых для имперской публики его подробно разработал В.Т. Нарезный в авантюрной повести «Бурсак» (1822, опубл. 1824), действие которой отнесено к эпохе Богдана Хмельницкого («Гетман, согласясь с послами царя российского, положили неперменную обязанностью освободить Малороссию из-под ига польского» [34. Т. 2. С. 65]), но весь бытовой фон и социокультурные обстоятельства являлись, по сути, современными, о чем говорит хотя бы то, что дьячок Варух отправляет своего сына Неона в Переяславский коллегиум (позднее Полтавско-Переяславский), основанный в 1738 г. Там отец оставляет его, «снабдя <...> соломенным мешком и какою-то латинскою книгою на польском языке и благословя гривною денег» [34. С.11]. Вскоре Неон начинает обучение: «Меня отвели в надлежащий класс, где и начали преподавать латинскую, польскую и русскую азбуку. Менее нежели в час прозорливый учитель, католический монах, догадался, что я церковные книги читал столько же проворно и внятно, как стихарный дьячок, а посему дальнейшее в сем упражнении признано излишним, а советовали мне всеми силами налечь на изучение языков латинского и польского» [34. С. 13].

После нескольких лет учебы и смерти родителя Неон, оказавшийся на самом деле подброшенным шляхтичем (как рассказал ему Варух: «Под подушкой в корзине нашел я записку, не знаю, на латинском или на польском языке, и более ничего, что бы могло обнаруживать о происхождении младенца» [34. С. 37]), попадает в столь же полонизированную обстановку. Его возлюб-

<sup>1</sup> Подробнее об их деятельности см.: [30; 31; 32. С. 249–294; 33. С. 250–264].

<sup>2</sup> Подробнее см. в дневнике И.М. Долгорукого, оставившего колоритное описание ряда учебных заведений: Каменецкой гимназии [27. С. 244–245], гимназии в Каневе [28. С. 70].

ленной становится «молодая вдова Неонилла, воспитанная в Киеве на польский образец» [34. С. 53], его покровителем является Мемнон, «мужчина лет под пятьдесят в дорогом польском платье» [34. С. 43], а окружение составляют дочь последнего Мелитина, которая «играла на лютне и пела прелестно на малороссийском и польском языках» [34. С. 48], и другие шляхтичи, толпящиеся в приемной гетмана, где Неона, желающего послужить отчизне, поначалу принимают презрительно: «Это, – сказал пожилой польский сановник, – по-видимому, какой-нибудь малороссийский шляхтич, который приехал ко двору предложить посильные услуги, лишь бы его одели, дали клячу и – кусок черного хлеба» [34. С. 145].

## II

Конкуренция двух социокультурных проектов, польского и русского, совершалась в условиях, не благоприятствовавших мирному соревнованию. Наполеоновские войны выступали постоянным фоном польского вопроса и оказывали влияние не только на политические процессы на Правобережье, но и на образ Украины в имперском общественном сознании и словесности. В Польше Наполеона приветствовали как освободителя, поскольку обещания французского императора соответствовали чаяниям местных патриотов. После образования в 1807 г. Великого герцогства Варшавского, утверждения его конституции и избрания парламента эти надежды, казалось, начали воплощаться в жизнь, став источником польского мифа о Наполеоне<sup>1</sup>.

Российское правительство вынуждено было включиться в борьбу за лояльность недавно присоединенных подданных Правобережья, которые иначе могли активно поддержать наполеоновскую армию, как это случилось в самой Польше, выставившей 83,5 тысячи солдат, в том числе 37-тысячный Пятый армейский корпус под командованием Ю. Понятовского<sup>2</sup>. Частично это и произошло: многие выходцы магнатских семей с личным ополчением, а также представители мелкой шляхты Волыни и Подолья отправились в Герцогство Варшавское и приняли участие в военной компании 1812 г. Ответом на политику Наполеона явились как репрессивные меры, конфискация имений перебежчиков, волнами проходившая с 1809 г. и закончившаяся только в 1813 г., после победы, усиление полицейского контроля, высылка неблагонадежных лиц, увеличение российского военного корпуса, так и попытки укрепить лояльность, распространяя уверенность в будущем восстановлении Польши. Публичные заявления М.И. Кутузова и манифест Александра I «О прощении жителей от Польши присоединенных областей, участвовавших с французами в войне против России» от 12 декабря 1812 г. опирались на ряд проектов еще предвоенного и военного времени о восстановлении польской автономии, в том числе и о возвращении в состав Польши украинских земель (записки А. Чарторыйского, М.Б. Барк-лая де Толли, К. Фуля, М.К. Огинского)<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Анализ мифа см. в статье: [35. С. 190–204; 36. С. 99–107; 37. С. 74–77].

<sup>2</sup> Данные приведены в статье: [38. С. 579–580].

<sup>3</sup> Их обзор см.: [39. С. 46–59; 40. С. 47–59].

Подобная борьба за лояльность ощутимо сказывалась на спектре тем и образов, связанных с Украиной, причем не только Правобережной, польской. Одним из индикаторов здесь являлись оды, посвященные украинскому / польскому ополчению и победам той или иной стороны в войне 1812 г. Н.М. Филатова приводит целый ряд стихотворных откликов, опубликованных в центральной прессе Герцогства Варшавского, в частности в «Gazety Warszawskiej». Среди них «Ода по случаю провозглашения Польши 28 июня 1812 г. в Варшаве» и «Стихи к Польскому войску по поводу начавшейся войны с Москвой» Ф. Венжика, «Ода по поводу торжеств Генеральной конфедерации 28 июня 1812 г.» и «К литвинам» К. Тымовского, «Военная песня, спетая 28 июня в театре» Ю.У. Немцевича, «Радость гражданина, еще находящегося под российской властью, при полученной вести о воссоздании Королевства Польского» и др. [41. С. 60–73]. Непременным мотивом их является напоминание о прежнем величии Речи Посполитой, которое можно восстановить общей борьбой поляков, литовцев, украинцев против враждебной России («Соединяйтесь, брат с братом», «В ожидании вас, братья, / Литва раскрыла свои объятия» (Ф. Скарбек); «Ваш родич из своей неволи вам руку дружбы подает» (Ю.У. Немцевич). Характерный образец здесь – анонимная «Военная песнь литвинов в 1812 г.» с образами совместно торжествующего белого Орла и Погони (гербы Коронной Польши и Великого княжества Литовского):

Orły białe czarnych gonią,  
Litwini! Bądźmy Pogonią!  
Patrz! Na skrzydłatym piorunie  
Złoty ptak zwycięski leci.  
Wrog pod gromem jego runie... [42. S. 1241–1242]

В этих текстах, так же как и в публицистике («Литовские письма» Ю.У. Немцевича), формируется идеологический комплекс, зеркально отражающий российскую риторику времени разделов. В центре его – образ древнего, исконного единства Речи Посполитой, представление об этнорелигиозном родстве ее народов и, конечно, сюжет исторической мести за суворовскую резню в Праге, за оккупацию – сюжет, воскрешающий воспоминания о превосходстве Польши в 1612 г. и оправдывающий участие в наполеоновской компании. Эту зеркальность точно заметил впоследствии А.С. Пушкин в незавершенном послании «Графу Олизару» (1824), где воспроизвел топику своего и чужого дискурсов:

Певец! издревле меж собою  
Враждуют наши племена:  
То [наша] стонет сторона,  
То гибнет ваша под грозою.

И вы, бывало, пировали  
Кремля [позор и] плен,  
И мы о камни падших стен  
Младенцев Праги избивали,  
Когда в кровавый прах топтали  
Красу Костюшкиных знамен [43. Т. 3, кн. 1. С. 334].

Вне данного идеологического комплекса не осталась и Малороссия, с тем отличием, что место событий Смутного времени и взятия Варшавы здесь заняла эпоха Богдана Хмельницкого. Воспоминания о ней были актуализированы в ходе наполеоновских войн и русско-турецкой кампании 1806–1812 гг., когда после долгого перерыва было создано украинское ополчение и восстановлены казачьи войска<sup>1</sup>. Это послужило поводом для реабилитации казачьего наследия, столь долго вытесняемого из малороссийского дискурса<sup>2</sup>. В ходе Отечественной войны 1812 г. казаки, как донские, так и малороссийские, стали одним из символов побеждающей империи, приняв активное участие в боях тарутинского периода, контрнаступления и зарубежного похода<sup>3</sup>. Поэтическим отзывом на возрождение казацкой тематики и как следствие антипольских исторических реминисценций выступили оды 1807–1814 гг., часть которых написана на украинском языке, хотя и предназначалась имперской публике: стихи некоего «запорожского казака Твердовского», «Мысли украинского жителя о нашествии французов. Малороссийская ода» неизвестного автора, «Ода, сочиненная на малороссийском наречии по случаю временного ополчения» Г. Кошиц-Квитницкого, «Ода малороссийского простолюдина на случай военных действий при нашествии французов в пределы Российской империи в 1812 году» П. Данилевского, «Песня старого русского солдата на разбитие французов» П.Ф. Калайдовича, оды и песни И.А. Кованько («Солдатская песня», «Ода на бегство Наполеона» и др.), ряд стихотворений В.В. Капниста («Видение плачущего над Москвою россиянина, 1812 года октября 28 дня», «Ода на всерадостное известие о покорении Парижа» и пр.)

Казачество в этих текстах, отражавших регионалистское сознание («Е в нас батько царь наснійший / <...> / Мы божылысь для його / <...> / Колы треба боронити / Руського царя свого» [50. С. 4]), представляло как феномен общей русско-украинской истории, воплощение этноконфессионального родства. С ним связывался и мотив исторических обид, польских притеснений, исток многочисленных казацких войн и набегов на «ляхов», породивший в итоге хмельничину. События 1807–1814 гг., прославившие казаков на весь мир, в русле подобного прецедентного дискурса рисовались возмездием не только Наполеону, но и Польше, вновь собравшейся «полонить Украину». В комическом виде такая аналогия, в частности, возникала у «запорожского казака Твердовского», сравнившего французского императора и Т. Костюшко:

Колысь такий же був Костюшка  
Скавав, пурхав мов тоби птушка...  
Деж вин тепер? ты сам збагнешь! [51. С. 13].

Осмеяние планов польского завоевания присутствовало и у Г. Кошиц-Квитницкого:

Бонапарте самый старший  
Вашой атаман орды,  
Гроши с Пруса обибравши,  
Подобрався и сюды?

<sup>1</sup> Подробнее см.: [44; 45. С. 200–207; 46. Т. 72. С. 87–118; 47. С. 52–60].

<sup>2</sup> См. нашу статью: [48. С. 478–517].

<sup>3</sup> Анализ этого материала в контексте формирования «казачьего мифа» новой Украины см. в монографии, посвященной «Истории русов»: [49].

Хоче в нас ляхив отняты?  
Биса визме, сын проклятый <...> [52. Ч. 33, № 9. С. 41].

Характерный образец сплава данных мотивов (русский регионализм, исторические обиды, слава казаков, возмездие) предлагало неопубликованное стихотворение Н.И. Гнедича, отрывок из его задуманной комедии о запорожских казаках:

Ой наши козаки рубили ляхив, <...>  
От их запорожских саблей и спысив  
Носилс над полем кровавый лишь пар! <...>  
Кутузов козакив як птыц окрылив  
И ими французив як громом губя,  
На вики прославыв и их и себя!  
На вик не погибне всеобщий сий глас:  
Кутузов Смоленскій отечество спас! (цит. по: [53. С. 234]).

При столь мощном взлете развитие зеркально повторяющих друг друга польского / российского / украинского конфронтационных дискурсов в послевоенные годы оказалось не столь актуальным и, более того, идущим вразрез с имперской политикой, стремившейся восстановить спокойствие на западных окраинах, укрепить лояльность новых подданных и, по возможности, снять синдром насилия. Уже 12 декабря 1812 г. Александр I публично даровал прощение перебежчикам с Волыни и Подолья, высказав родственную заботу о заблудших соплеменниках: «Между тем надеемся, что наше чадолобивое прощение приведет в чистосердечное раскаяние виновных, и всем вообще областей сих жителям докажем, что они яко народ издревле единоплеменный и единоплеменный с россиянами, нигде и никогда не могут быть толико щастливы и безопасны, как в совершенном во едино тело слиянии с могущественной и великодушной Россией (манифест «О прощении жителей от Польши присоединенных областей, участвовавших с французами в войне против России»))» [54. Т. 32. С. 482].

Ответом на политику примирения явилась и трансформация публичного дискурса, из которого устранялись мотивы взаимных обид и претензий, поглощаемых блеском имперской славы. Одним из ярких образцов подобной риторики остранения являются записки К.Н. Батюшкова, проведеншего вторую половину 1815 г. в Каменец-Подольском в свите своего командира генерала А.Н. Бахметьева. Они последовательно отодвигают в далекое прошлое сюжеты исторических междуусобий, оставляя в настоящем воспоминания о милых друзьях, недавних победах русского оружия и впечатления о живописной украинской природе: «Здесь, в Каменце, я вижу развалины замка и укрепления турецких, польских и русских; прогуливаюсь по ветхим бастионам и замечаю их живописные стороны. <...> Несколько раз стены сии переходили из рук в руки. Турки брали их у поляков, поляки у турок, и, наконец, русские отбили их у гордых республиканцев. Повсюду древние следы войны и времени. <...> Укрепления сии часто были осаждаемы смелым и беспокойным Хмельницким, который, в смутные времена республики, внезапно являлся в Подолии, разорял цветущие села и плодоносные берега древнего Тираса, осаждал Каменец, грозил Варшаве и исчезал, как призрак. На дальних холмах, за рекою, стояло его войско, усиленное толпами татар. Сколько воспо-

минаний исторических!.. Правда! Но «мое воображение хозяин в доме», как говорит Монтань. Я забываю невольно и вождей польских, и гетмана, окруженного мурзами, и переносусь в Богемию, в Теплиц, к развалинам Бергшлосса и Гайерсберга, около которых стоял наш лагерь после Кульмской победы» [55. С. 395–396].

Снятие идеологической конфронтации осложнилось, однако, планами правительства в Коронной Польше, вызвавшими, по мере их реализации, широкий общественный резонанс. Уже с января 1813 г., перехватив наполеоновскую инициативу, император, чьи войска оккупировали территорию бывшего Княжества Варшавского, начал подготовку к восстановлению польской автономии – под российским контролем. На Венском конгрессе 1814–1815 гг. этот проект реализовался в провозглашении нового унитарного государства – Царства Польского. 27 ноября 1815 г. была подписана его конституция, по которой российскому императору как польскому королю перешла в руки исполнительная власть, разделяемая с Сеймом, источником власти законодательной. Сам Александр I трактовал свои функции скорее как охранительно-координирующие, но особо подчеркивал неразрывную династическую связь Польши и России. В речи 15 (27) марта 1818 г., обращенной к вновь созданному польскому Сейму и опубликованной в том числе в «Украинском вестнике», император призывал принять эту связь как должную и необходимую: «Существование ваше неразрывно соединено с жребием России. К укреплению сего спасительного и покровительствующего вас союза должны стремиться все ваши усилия. Восстановление ваше определено торжественными договорами. Оно освящено законоположительною Хартиєю. Ненарушимость сих внешних обязательств и сего коренного закона назначают отныне Польше достойное место между народами Европы» [56. Ч. 10, кн. 5. С. 174].

Но если статус Царства Польского и его модель взаимоотношений с Российской империей были определены, то вопрос относительно «кресов» Речи Посполитой, полученных в результате разделов, оставался открытым. Правобережная шляхта чаяла воссоединения с Царством Польским и вдохновлялась самым фактом существования автономного польского государства. Александр I в течение 1815–1819 гг. имел твердое намерение расширить его территорию путем присоединения «кресов».

Эти планы вызвали бурную реакцию как консервативного, так и либерального лагеря имперской элиты<sup>1</sup>, став постоянным фоном образа Украины, причем не только Правобережной. Точку зрения консерваторов наиболее последовательно выразил Н.М. Карамзин, с которым император поделился своими «польскими» планами. Между ними 17 октября 1819 г. состоялся разговор, в ходе которого историограф, дабы отговорить императора от опрометчивого шага, огласил свою записку «Мнение русского гражданина», где выразился категорически против возвращения «кресов». Показательно, что из записки исчезли несколько элементов прежнего антипольского дискурса, в первую очередь мотив этноконфессионального родства присоединенных земель. Националистическая риторика, столь укрепившаяся в пред- и послевоенные годы, здесь совершенно отсутствовала: писатель оперировал аргумен-

<sup>1</sup> Обзор мнений, высказанных современниками, см. в кн.: [57. Т. 4. С. 92–98].

тами государственной целесообразности и выражал мнение не столько «русского», сколько «гражданина», точнее подданного. С позиции имперской, домодерной, целостность страны выступала результатом прежних завоеваний («Мы взяли Польшу мечем: вот наше право, коему все государства обязаны бытием своим, ибо все составлены из завоеваний» [5. С. 437]) и не требовала национальной интеграции. Н.М. Карамзин отчетливо противопоставил эту логику современному принципу, из которого исходили польские патриоты и сочувствовавший им Александр I. С точки зрения историографа, национальная близость частей бывшей Речи Посполитой (точнее, элит этих регионов), уже вполне осознанная имперской публикой, не имела решающего значения перед лицом самодержавно-династического принципа: «Литва, Вольния желают Королевства Польского, но мы желаем единой империи Российской» [5. С. 438].

Редуцировался до одной фразы и контекст древнерусского единства («К тому же и *по старым крепостям* Белорусия, Вольния, Подолия, вместе с Галициею, были некогда коренным достоянием России» [5. С. 437]), его место занял анализ современной политической ситуации. Более того, привлечение исторических свидетельств осознавалось как аргумент в пользу федерализма, как актуализация прежнего национального статуса земель: «Старых крепостей нет в политике: иначе мы должныствовали бы восстановить и Казанское, Астраханское Царство, Новгородскую Республику, Великое Княжество Рязанское, и так далее» [5. С. 437]. Ближайший же политический фон для историографа представляли эпоха Екатерины II и война 1812 г., продемонстрировавшие исконную враждебность Польши и России: «Скажут ли, что она (Екатерина II) беззаконно разделила Польшу? Но Вы поступили бы еще беззаконнее, если бы вздумали загладить ее несправедливость разделом самой России. <...> Восстановление Польши будет падением России, или сыновья наши обогрят своею кровью землю польскую и снова возьмут штурмом Прагу! Нет, государь, никогда поляки не будут нам ни искренними братьями, ни верными союзниками. Теперь они слабы и ничтожны: слабые не любят сильных, а сильные презирают слабых; когда же усилите их, то они захотят независимости, и первым опытом ее будет отступление от России» [5. С. 437–438]<sup>1</sup>.

Последовательная имперская логика, игнорировавшая национальные аспекты и победившая в итоге в вопросе «кресов» (Александр под давлением общественного мнения вскоре отказался от своих планов), не могла тем не менее снять самой проблемы. Во второй половине 1810-х – 1820-е гг. образ Украины, как Правобережной, так и Левобережной, отчетливо этнизировался, и национальное начало требовало определения своего места в культурном пространстве, в том числе политико-идеологическом. Попытки подобного осмысления, существенно трансформировавшие конфронтационный российско-польский дискурс, предлагали проекты декабристов. Они отразили влияние, с одной стороны, федералистских идей, а с другой – формирующегося панславизма.

Так, уже в 1816 г. М.А. Дмитриев-Мамонов, создатель преддекабристского Ордена русских рыцарей, набросал «Краткий опыт», где предлагалось разделить России на территориальные образования, часть

<sup>1</sup> Подробнее о позиции Н.М. Карамзина, выраженной в записке см.: [58. С. 21–34; 59. С. 95–103].

которых имела национальную окраску (Киевское, Казанское, Астраханское, Польское царства, Курляндия, Лифляндия, Финляндия, Грузия). Это не означало, однако, их автономии в составе нового государства, что в особенности касалось Польши. Одно из положений чуть более ранних «Пунктов преподаваемого во внутреннем Ордене учения» гласило: «Конечное и всегдашнее истребление имени Польша и Королевства Польского и обращение всей Польши, как Прусской, так и Австрийской, в губернии Российские» [60. С. 145]. Сохранение национального своеобразия, польского или украинского, мыслилось М.А. Дмитриевым-Мамоновым только в аспекте общерусского регионализма. Подобный территориальный подход еще более последовательно был воплощен в двух проектах конституции, предложенных Н.М. Муравьевым [61. С. 303–355, 356–366].

Наиболее распространено о статусе Украины высказался глава Южного общества П.И. Пестель. В «Русской правде» он предлагал модель унитарного государства, учитывающего, однако, этнические реалии. Автор четко отделял, с данной точки зрения, народы, имеющие или имевшие в прошлом самостоятельную государственность, и народы малые, «не могущие по слабости своей пользоваться самостоятельной политической независимостью и должнствующим следовательно непременно состоять под властью или покровительством которого-либо из больших соседственных государств» [62. Т. 7. С. 121]. Такие этносы должны подвергаться последовательной ассимиляции: «<...> лучше и полезнее будет для них самих, когда они соединятся духом и обществом с большим государством и совершенно сольют свою народность с народностью господствующего народа, составляя с ним только один народ» [62. Т. 7. С. 122]. К числу «исторических» народов идеолог безусловно относил поляков, что и оправдывало активные контакты с ними в целях изменения общественного строя: «Что же до Польши касается, то пользовалась она в течение многих веков совершенною политическою независимостью и составляла большое самостоятельное государство. Она могла бы и ныне сильное получить существование, если бы соединила опять в общий государственный состав все свои части, разобранные могущественными соседями. <...> Итак: по правилу народности должна Россия даровать Польше независимое существование <...>» [62. Т. 7. С. 123].

Но украинцы для П.И. Пестеля не являлись самостоятельным политическим субъектом и, более того, не осмыслялись даже как отдельный народ, а только как местный вариант народа русского, что относилось в равной мере к Малороссии и Правобережной Украине: «Племя славянское, коренной народ русской составляющее, имеет пять оттенков: 1) Собственно так называемые россияне, населяющие губернии великоросские; 2) Малороссияне, населяющие Черниговскую и Полтавскую губернии; 3) Украинцы, населяющие Харьковскую и Курскую губернии; 4) Жители Киевской, Подольской и Волынской губерний, называющие себя руснаками, и 5) Белорусцы, населяющие Витебскую и Могилевскую губернии» [62. Т. 7. С. 138].

В качестве показателей этнического единства здесь выступали язык, вера и схожая сословная организация. Вывод П.И. Пестеля был однозначен и определял судьбу Украины только как русскую: «Из сего явствует, что никакого истинного различия не существует между разрядами, коренной народ рус-

ский составляющими, и что малые оттенки замеченные должны быть слиты в одну общую форму. А по сему и постановляется правилом, чтобы всех жителей, населяющих губернии Витебскую, Могилевскую, Черниговскую, Полтавскую, Курскую, Харьковскую, Киевскую, Подольскую и Волынскую, истинными россиянами почитать и от сих последних никакими особыми названиями не отделять» [62. Т. 7. С. 138].

При том что федералистские проекты декабристов базировались скорее на территориальном подходе, а в программе П.И. Пестеля предлагалась вообще унитарная модель, они вынуждены были учитывать этническую составляющую, что в особенности касалось славянского мира. В немалой степени это объяснялось контекстом формировавшегося панславизма, оригинальная версия которого распространялась в гибридной русско-польско-украинской среде. Как вспоминал М.С. Чайковский о своем пребывании в одесском лицее Вольсея (конец 1810-х гг.), «это была мозаика из славян, но преобладал казацкий дух и казацкие традиции, так как профессора были завзятыми украинатофилами <...>. Мне часто приходилось присутствовать при их спорах. <...> Пришли в конце к следующим выводам: <...> что Богдан Хмельницкий спьяна, из корысти, под влиянием перенесенных обид, которые он слишком глубоко принял к сердцу, откопал старую Русь, которая, раз присоединившись добровольно к России и Литве, может существовать только под скипетром русского царя или польского короля. <...> Наконец, все согласились, что все зло можно исправить только всеславянством, столицей которого должен быть Старый Киев; кто будет им владеть и образует из него столицу, тот будет властелином ста миллионов славян» [19. Т. 84, № 11. С. 170–172].

В этой борьбе за доминирование в славянском мире после победы над Наполеоном ощутимо побеждала Россия – источник надежд на освобождение славянских народов от турецкого и австрийского господства. Само возвращение Польше автономии воспринималось как поддержка российским правительством славянского возрождения. Но тем самым и Украина, «славянская Авзония», пространство, где сплелись разные культурные начала, приобрела особое символическое значение, что остро почувствовал, в частности, А. Чарноцкий (З. Доленга-Ходаковский), сделавший малороссийский фольклорно-этнографический материал важнейшим полем реконструкции древнего восточнославянского единства, куда включались и Россия, и Польша. В подобном контексте вопрос о статусе «кресов» лишился прежней остроты: не столь важно, кому будут административно принадлежать западные губернии, важнее, кто будет доминировать в общем славянском пространстве.

Политическое измерение такой подход приобрел в процессе контактов Южного общества декабристов с Польским патриотическим обществом и Обществом соединенных славян, основанном в 1823 г. братьями П.И. и А.И. Борисовыми и польским дворянином Ю.К. Люблинским (Мотошновичем). Главной целью Общества стало объединение всех славянских народов в единую федерацию демократического, республиканского характера. В 1825 г. о существовании «Общества соединенных славян» узнал один из руководителей Васильковской управы Южного общества М.П. Бестужев-Рюмин. По-

сле нескольких общих заседаний было принято решение об их слиянии<sup>1</sup>. Контакты с Польским патриотическим обществом не увенчались подобным успехом: после ареста в 1822 г. В. Лукасиньского и наиболее радикальных его сподвижников, ратовавших за полное восстановление Речи Посполитой, в обществе задавали тон умеренные реформаторы, не склонные к революционным методам южных декабристов<sup>2</sup>. Тем не менее в ходе общения с представителями двух организаций вопрос о «кресах» возникал постоянно и демонстрировал колебания директоров, склонявшихся, несмотря на последовательный пестелевский унитаризм, к возврату Правобережья в зону польского влияния. Об этом, в частности, в ходе допросов с возмущением говорил К.Ф. Рылеев: «О существовании тайных обществ в Польше слышал я от Трубецкого. Причем он говорил, что Южное общество через одного из своих членов имеет с оными постоянные сношения, южными директорами положено признать независимость Польши и возвратить ей от России завоеванные провинции, Литву, Подолию и Волынь. Я сильно восстал против сего, утверждая, что никакое общество не вправе сделать подобного условия, что подобные дела должны быть решены на Великом Соборе. Говорил, что и настоящее правительство делает великую погрешимость, называя упомянутые провинции в актах своих польскими или вновь присоединенными от Польши и в продолжении тридцати лет ничего не сделав, дабы нравственно присоединить оные к России; что границы Польши собственно начинаются там, где кончаются наречия малороссийское, русское, или по-польски, холопское; где же большая часть народа говорит упомянутыми наречиями и исповедуют греко-российскую или униатскую религию, там Русь, древнее достояние наше» [60. С. 181].

Из этих реплик явственно ощущалось, что напряженное общественное обсуждение проблемы «возвращенных» провинций придало новую значимость образу Украины. Его принадлежность русскому миру вновь стала предметом рефлексии, что нацеливало не только на выявление общих черт, но и на актуализацию подразумеваемых различий, объяснявшихся имперскими (в том числе малороссийскими) авторами чаще всего прошлым влиянием Речи Посполитой. Подобные интенции присутствуют фактически во всех дискурсивных сферах, связанных с репрезентацией Украины. Их можно найти в оценках малороссийского языка, осмысляемого как диалект языка русского, но претерпевшего искажающее воздействие польской речи. Еще более обширное поле здесь предлагала историография. Так, создание первой полной версии украинской истории Д.Н. Бантиш-Каменским [67], состоявшееся по официальному заказу, невозможно воспринимать вне обсуждения проблемы «кресов»: «История Малой России» мотивировала включение региона в имперский исторический канон и актуализировала антипольские темы. В этот процесс включилась и харьковская журналистика 1816–1825 гг., исторические публикации которой посвящались, прежде всего, эпохе Богдана Хмельницкого и войнам казаков против Речи Посполитой [68. № 1. С. 7–21; № 4. С. 3–19; 69. № 2. С. 145–156; № 3. С. 304–314; 70. № 4.

<sup>1</sup> Подробнее см.: [63. С. 52–54; 64. С. 104].

<sup>2</sup> Подробнее см.: [65, 66].

С. 19–33; № 5. С. 151–168; № 6. С. 265–297; 71. № 9. С. 249–271; № 10. С. 3–11]<sup>1</sup>. Негативная оценка польского влияния тем не менее не устраняла его следов из украинской истории, а иногда и делала более отчетливым, как в археологических работах М.Б. Берлинского.

Не осталась в стороне и художественная словесность, где малороссийский материал, с одной стороны, выступал региональным вариантом русского, но с другой – воплощал местную специфику, в том числе польское присутствие, о чем можно судить по уже упоминавшемуся «Бурсаку» В.Т. Нагребного и другим его повестям («Запорожец», «Два Ивана», «Гаркуша»). Литераторы-декабристы подчинили украинские сюжеты собственной историко-патриотической концепции, как в «Думах» и поэмах К.Ф. Рылеева, включив в нее и польский компонент<sup>2</sup>. Ряд этих политических рефлексов, безусловно, можно продолжить – они предлагают отдельное поле исследования. В целом же можно констатировать, что подобное настойчивое возвращение к чертам «инаковости», связываемым с польским влиянием, акцентирование особенности Малороссии создавало питательную среду для развития и укрепления местного националистического дискурса, вырвавшегося в полемике 1830–1840-х гг. о степени самостоятельности украинского языка, истории и культуры<sup>3</sup>.

### Литература

1. *Тарле Е.В.* Екатерина Вторая и ее дипломатия. Ч. 1. М., 1945.
2. *Стегний П.В.* Разделы Польши и дипломатия Екатерины II: 1772. 1793. 1795. М., 2002.
3. *Носов Б.В.* Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756–1768 гг. М., 2004.
4. *Хореев В.А.* Польша и поляки глазами русских литераторов: Имагологические очерки. М., 2005.
5. *Карамзин Н.М.* О древней и новой России: Избранная проза и публицистика. М., 2002.
6. *Nowak A.* Od Imperium do Imperium: Spojrzenia na historię Europy Wschodniej. Kraków: Wydawnictwo Arcana, 2004.
7. *Аржакова Л.М.* Этатизм и ранняя российская полонистика // Власть и культура. СПб., 2007.
8. *Яковенко Н.М.* Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVIII століття. Київ, 1997.
9. *Останчук О.А.* Изменение государственных границ как фактор формирования языковой ситуации на Правобережной Украине в конце XVIII – первой половине XIX в. // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе. М., 2005.
10. *Миллер А.И.* Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина 19 века). М., 2000. URL: <http://www.ukrhistory.narod.ru/texts/miller-pred3.htm> (19.02.2013).
11. *Potocki J.* Fragments historiques et geographiques sur la Scythie, la Sarmatie et le Slaves. Paris, 1795.
12. *Czacki T.* O nazwisku Ukrainy i początku kozaków. Warszawa, 1843.
13. *Азадовский М.К.* История русской фольклористики. М., 1958. Т. 1.
14. *Юзвенко В.А.* Українська народна поетична творчість у польській фольклористиці XIX ст. Київ, 1961.
15. *Болтарович З.* Україна в дослідженнях польських етнографів XIX ст. Київ, 1976.

<sup>1</sup> Подробнее о проблематике этих материалов см.: [72. № 1–3. С. 55–73].

<sup>2</sup> О биографических и литературных связях К.Ф. Рылеева с польскими украинофилами см., в частности: [73. Т. 26, № 9. С. 727–751; 74. С. 221–223; 75. Кн. 6. С. 25–38; 76. С. 113–128; 77. С. 179–208; 78].

<sup>3</sup> См. о них в сравнительном русско-польско-украинском контексте: [79].

16. Дем'ян Г. Українська фольклористика в Галичині кінця XVIII – початку XIX ст. Львів, 2004.
17. Огієнко І.І. Українська церква: Нариси з історії Української Православної Церкви: У 2 т.: Т. 1-2. Київ, 1993.
18. Олизар Г. Мемуары графа Олизара / пер. с польск. А. Копылова // Русский вестник. 1893. № 8.
19. Чайковский М.С. Записки / пер. с польск. Турцевич, В.В. Тимошук // Русская старина. 1895. Т. 84, № 11, 12.
20. Русская старина. 1896. Т. 85, № 1.
21. Селецкий П.Д. Записки. Киев, 1884.
22. Западные окраины Российской империи. М., 2006.
23. Глаголев А.Г. Записки русского путешественника А. Глаголева с 1823 по 1827 год. Ч. 1: Россия. Австрия. СПб., 1837.
24. Bazylow L. Polacy w Petersburgu. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1984.
25. Chwalba A. Polacy w służbie Moskali. Warszawa; Kraków, 1999.
26. Kijas A. Polacy w Rosji od XVII wieku do 1917 roku. Słownik biograficzny. Warszawa; Poznań, 2000.
27. Долгорукий И.М. Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда, 1810 года // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1869. Кн. 2–3, отд-ние 2.
28. Долгорукий И.М. Дневник путешествия в Киев 1817 г. // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1870. Кн. 2, отд-ние 2.
29. Маслов С.А. Путевые заметки при поездке из Москвы в Киев, Харьков и Воронеж // Земледельческий журнал. 1839.
30. Michal. R. Ateny Wołyńskie. Szkic z dziejów oświaty w Polsce. Wyd. 2. Lwow; Warszawa; Krakow, 1923.
31. Zawadzki W.H. The Man of Honor. Adam Czartoryski as a Statesman of Russia and Poland. 1795–1831. Oxford, 1993.
32. Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи: Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине. 1793–1914. М., 2011.
33. Булкина И. «Известная фамилья»: польский патриот граф Фаддей Чацкий // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia. XII: Мифология культурного пространства: К 80-летию Сергея Геннадиевича Исакова. Тарту, 2011.
34. Нарезный В.Т. Избранные сочинения: в 2 т. М., 1956. Т. 2.
35. Мусиенко С.Ф. Миф Наполеона в русской и польской прозе XIX века (на примере романов «Война и мир» Л. Толстого и «Пепел» С. Жеромского) // Миф Европы в литературе и культуре Польши и России. М., 2004.
36. Гончар С.В. Адам Мицкевич и миф Наполеона в польской литературе XIX века // Творчество Адама Мицкевича и современная мировая культура. Гродно, 2010.
37. Фалькович С.М. Миф Наполеона в сознании поляков // Славяноведение. 2012. № 6.
38. Неуважный А., Васильев А.А. Польские войска Великой армии // Отечественная война 1812 года: энцикл. М., 2004.
39. Лукашевич А.М. Проекты восстановления Речи Посполитой и Великого Княжества Литовского и их место в военно-стратегическом планировании Российской империи (1810–1812 гг.) // Внешняя политика Беларуси в исторической ретроспективе: материалы междунар. науч. конф. Минск, 2002.
40. Макарова Г.В. Фактор общественного мнения в период Отечественной войны 1812 года: польский аспект // Славяноведение. 2012. № 6.
41. Филатова Н.М. Россия в политической пропаганде Княжества Варшавского в ходе кампании 1812 года // Славяноведение. 2012. № 6.
42. Gazeta Warszawska. Прил. к № 66.
43. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 3, кн. 1: Стихотворения, 1817–1825. М.; Л., 1947.
44. Стороженко Н.В. К истории малороссийских казаков в конце XVIII и в начале XIX в. Киев, 1898.
45. Антонович В. Про козацькі часи на Україні. Київ, 1991.
46. Абаляхин Б.С. Украинское ополчение 1812 г. // Исторические записки. 1962. Т. 72.
47. Лейберов О. «Одушевляясь любовью и усердием к народу и отечеству...»: ніжинські ополченські полки в наполеонівських війнах // Нежинская старина. Вып. 3 (6). Нежин, 2007.

48. Киселев В.С., Васильева Т.А. «Странное политическое сонмище» или «народ, поющий и пляшущий»: конструирование образа Украины в русской словесности конца XVIII – начала XIX в. // Там, внутри: Практики внутренней колонизации России. М., 2012.
49. Plokhy S. The Cossack myth: history and nationhood in the age of empires. Cambridge: University Press, 2012.
50. Данилевский П. Ода малороссийского простолюдина на случай военных действий при нашествии французов в пределы Российской империи в 1812 году. СПб., 1813.
51. Дух россиян, или Сердечные чувства сибирского плавильного мастера Усердова и запорожского казака Твердовского, изображенные стихами по случаю победы, одержанной над Бонапартием 14 декабря 1806 года. СПб., 1807.
52. Кошиц-Квитницкий Г. Ода, сочиненная на малороссийском наречии по случаю временного ополчения // Вестник Европы. 1807. Ч. 33, № 9.
53. Кибальник С.А. «Афинская звезда»: Николай Гнедич в Петербурге // Белые ночи: очерки, зарисовки, воспоминания, документы. Л., 1989.
54. Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание (1649–1825). Т. 32. 1812–1813. СПб., 1830. № 25289.
55. Батюшков К.Н. Воспоминание мест, сражений и путешествий // Батюшков К.Н. Опыты в стихах и прозе. М., 1977.
56. Речь, произнесенная Его Императорским Величеством при открытии Сейма Царства Польского в Варшаве // Украинский вестник. 1818. Ч. 10, кн. 5.
57. Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. 4. СПб., 1898.
58. Filatowa N. Polska w rosyjskiej myśli historycznej // Polacy i Rosjanie. Warszawa, 2002.
59. Кручковский Т.Т., Хиллута В.А. «Записка о Польше» Н.М. Карамзина как определение польского вопроса в России первой трети XIX века // История Польши в историографической традиции XIX – начала XX вв.: материалы Междунар. науч. конф., Гродно, 29-30 октября 2009 г. Гродно, 2011.
60. Из писем и показаний декабристов: Критика современного состояния России и планы будущего устройства / под ред. А.К. Бороздина. СПб., 1906.
61. Дружинин Н. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933.
62. Восстание декабристов: документы / под ред. М.В. Нечкиной. Т. 7. М.; Л., 1958.
63. Горбачевский И.И. Записки декабриста. М., 1916.
64. Нечкина М.В. Декабристы. М., 1982.
65. Baumgarten L. Dekabryści a Polska. Warszawa, 1952.
66. Ольшанский П. Декабристы и польское национально-освободительное движение. М., 1959.
67. Бантыш-Каменский Д.Н. История Малой России: в 3 ч. М., 1830.
68. Гетман Хмельницкий // Украинский вестник. 1816. № 1, 4.
69. Квитка И. О Малой России // Украинский вестник. 1816. № 2, 3.
70. Грибовский М. Исторические замечания о Малороссии от смерти Богдана Хмельницкого до Полтавского сражения // Украинский вестник. 1816. № 5, 6.
71. Марков М. Введение в Малороссийскую историю, или Краткое описание южной части Российского государства во времена древние: как находилась она во владениях Литвы и Польши, как возвратилась России и получила название Малороссии // Украинский вестник. 1817. № 9, 10.
72. Журба О.І. Журнальний період становлення української археографії (Харківські журнали 10–20-х рр. XIX ст.) // Архіви України. 2002. № 1–3.
73. Равита Ф. (Гавронский Ф.) Фома Падурра: (критический очерк) // Киевская старина. 1889. Т. 26, № 9.
74. Маслов В.И. Литературная деятельность Рылеева. Киев, 1912.
75. Гермайзе О. Рух декабристів і українство // Україна. 1925. Кн. 6.
76. Гнатюк В. Падурра, Рилеев і декабристи // Записки Історично-Філологічного відділу ВУАН. Кн. 18. Київ, 1928.
77. О'Мара П. К.Ф. Рылеев: Политическая биография поэта-декабриста. М., 1989.
78. Кирибаум Г.Э. Дискуссия о происхождении дум: польская компонента // Тыняновский сборник. Материалы пятнадцатых Тыняновских чтений / под ред. Е.А. Тодеса, М.О. Чудаковой. М., 2011.
79. Bilenky S. Romantic Nationalism in Eastern Europe: Russian, Polish, and Ukrainian Political Imagination. Stanford University Press, 2012.

Kiselev Vitaly S., Vasilieva Tatiana A., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).  
E-mail: kv-uliss@mail.ru / tatiana\_w\_1988@mail.ru DOI 10.17223/19986645/27/8

**EVOLUTION OF THE IMAGE OF UKRAINE IN THE IMPERIAL LITERATURE OF THE FIRST QUARTER OF THE NINETEENTH CENTURY: REGIONALISM, ETHNOGRAPHY, POLITICIZATION. ARTICLE 3. "BETWEEN POLAND AND RUSSIA".**

**Keywords:** Russian literature, Ukrainian literature, Polish Issue, the image of Ukraine, nationalism, regionalism, ethnography.

During the partition of Poland in 1792 and 1795 the Left-Bank Ukraine, the former frontier of the Russian Empire, turned into the inner part. "The Ukrainian Issue" was united with "the Polish Issue" and gave rise to a number of new problems, which had a significant impact on the image of Little Russia. Two competing ideologies – the imperial and the Polish ones – engaged into a kind of a struggle for Ukraine.

N.M. Karamzin gave the canonical form to the "Polish" ideological complex (ancient unity, sectarian and ethnic community, reward for intervention), while Catherine the Great's stand, reflected in numerous odes of that period (G.R. Derzhavin, N.A. Lvov, and others), had served as a prologue. The basis of the Polish-Lithuanian Commonwealth ideology was the idea of the same national nature of the Kresy and the Crown Poland. The system of education was the main instrument of polonisation. The Polish image of Ukrainian schools and grammar schools was reflected in the fiction and travels of 1800–1820s (V.T. Narezhny's fiction).

Memories of Little Russia were actualised during the Napoleonic wars and the Russian-Turkish campaign of 1806–1812, when, after a long break, Ukrainian militia was called and Cossack troops were restored. Those events led to the rehabilitation of the Cossack heritage that had been displaced from the Little Russian discourse for such a long time. The odes of 1807–1814 were the poetic review for the Cossack theme revival and, as a consequence, for the anti-Polish historical reminiscences. Some of the odes were written in the Ukrainian language, although they were intended for the imperial audience (G.P. Danilevsky, P.F. Kalaidovich, etc.). In texts, which reflected the regionalist consciousness, the Cossacks appeared as a phenomenon of the general Russian-Ukrainian history, as the embodiment of the ethnic-religious relationship. In keeping with the similar precedent discourse the events of 1807–1814, which glorified the Cossacks all over the world, were conjured up as a retribution not only to Napoleon, but to Poland, that was going to conquer Ukraine again.

After the Congress of Vienna, during 1815–1819 Alexander I had a firm intention to expand the territory of the formed unitary state, the Kingdom of Poland, by annexation of the Kresy. Those plans provoked strong reactions of both conservative and liberal camps of the imperial elite and became a constant background of Ukraine's image, not only of the Right-Bank Ukraine.

The Decembrists' projects proposed the attempts to comprehend Ukraine's place in the cultural space. The attempts significantly transformed the confrontational Russian-Polish discourse. On the one hand, they reflected the impact of the federalist ideas and, on the other hand, – the influence of the emerging Pan-Slavism (for example, the division of Russia into the territorial entities, some of which would have M.A. Dmitriev-Mamonov's national colouring, a similar territorial approach embodied in N.M. Muraviev's constitution projects, the unitary state model, which takes P.I. Pestel's ethnic realities into account, etc.).

The intense public discussions of the "returned" provinces problem gave new significance to the image of Ukraine. Its affiliation to the Russian world again became the object of reflection, and that aimed people not only at identification of similarities, but also at the actualisation of the implicit differences that resulted, in the imperial (including Little Russian) authors' opinions, from the former influence of the Commonwealth. It is revealed in the evaluation of the Little Russian language, historiography and art literature. Such insistent returning to the features of the "otherness", which were connected with the Polish influence, and the emphasis on Little Russia's specialness created the culture medium for the development and strengthening of the local nationalist discourse growing in the polemics of 1830–1840s about the independence degree of the Ukrainian language, history and culture.

### References

1. Tarle E.V. Ekaterina Vtoraya i ee diplomatiya. Ch. 1. M., 1945.
2. Stegnyy P.V. Razdely Pol'shi i diplomatiya Ekateriny II: 1772. 1793. 1795. M., 2002.
3. Nosov B.V. Ustanovlenie rossiyskogo gospodstva v Rechi Pospolitoj. 1756–1768 gg. M., 2004.

4. *Khoreev V.A.* Pol'sha i polyaki glazami russkikh literatorov: Imagologicheskie ocherki. M., 2005.
5. *Karamzin N.M.* O drevney i novoy Rossii: Izbrannaya proza i publitsistika. M., 2002.
6. *Nowak A.* Od Imperium do Imperium: Spojrzenia na historie Europy Wschodniej. Krakow: Wydawnictwo Arcana, 2004.
7. *Arzhakova L.M.* Etatizm i rannaya rossiyskaya polonistika // *Vlast' i kul'tura*. SPb., 2007.
8. *Yakovenko N.M.* Naris istorii Ukraïni z naydavnishikh chasiv do kintsya XVIII stolittya. Kiïv, 1997.
9. *Ostapchuk O.A.* Izmenenie gosudarstvennykh granits kak faktor formirovaniya yazykovoy situatsii na Pravoberezhnoy Ukraine v kontse XVIII – pervoy polovine XIX v. // *Regiony i granitsy Ukrainy v istoricheskoy retrospektive*. M., 2005.
10. *Miller A.I.* Ukrainskiy vopros v politike vlastey i russkom obshchestvennom mnenii (vtoraya polovina 19 veka). M., 2000. URL: <http://www.ukrhistory.narod.ru/texts/miller-pred3.htm> (19.02.2013).
11. *Potocki J.* Fragments historiques et geographiques sur la Scythie, la Sarmatie et le Slaves. Paris, 1795.
12. *Czacki T.* O nazwisku Ukrainy i początku kozaków. Warszawa, 1843.
13. *Azadovskiy M.K.* Istoriya russkoy fol'kloristiki. M., 1958. T. 1.
14. *Yuzvenko V.A.* Ukraïns'ka narodna poetichna tvorchist' u pol's'kiy fol'kloristitsi XIX st. Kiïv, 1961.
15. *Boltarovich Z.* Ukraïna v doslidzhennyakh pol's'kikh etnografiv XIX st. Kiïv, 1976.
16. *Dem'yan G.* Ukraïns'ka fol'kloristika v Galichini kintsya XVIII – pochatku XIX st. L'viv, 2004.
17. *Ogienko I.I.* Ukraïns'ka tserkva: Narisi z istorii Ukraïns'koï Pravoslavnoï Tserkvi: U 2 t.: T. I–2. Kuiv, 1993.
18. *Olizar G.* Memuary grafa Olizara / per. s pol'sk. A. Kopylova // *Russkiy vestnik*. 1893. № 8.
19. *Chaykovskiy M.S.* Zapiski / per. s pol'skogo Turtsevich, V.V. Timoshuk // *Russkaya starina*. 1895. T. 84, № 11, 12.
20. *Russkaya starina*. 1896. T. 85, № 1.
21. *Seletskiy P.D.* Zapiski. Kiev, 1884.
22. *Zapadnye okraïny Rossiyskoy imperii*. M., 2006.
23. *Glagolev A.G.* Zapiski russkogo puteshestvennika A. Glagoleva s 1823 po 1827 god. Ch. 1: Rossiya. Avstriya. SPb., 1837.
24. *Bazyłow L.* Polacy w Petersburgu. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1984.
25. *Chwalba A.* Polacy w służbie Moskali. Warszawa; Kraków, 1999.
26. *Kijas A.* Polacy w Rosji od XVII wieku do 1917 roku. Słownik biograficzny. Warszawa; Poznań, 2000.
27. *Dolgorukiy I.M.* Slavy bubny za gorami, ili Puteshestvie moe koe-kuda, 1810 goda // *Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh*. 1869. Kn. 2–3. Otd-nie 2.
28. *Dolgorukiy I.M.* Dnevnik puteshestiya v Kiev 1817 g. // *Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh*. 1870. Kn. 2. Otd-nie 2.
29. *Maslov S.A.* Putevye zametki pri poezdke iz Moskvy v Kiev, Khar'kov i Voronezh // *Zemle-del'cheskiy zhurnal*. 1839.
30. *Michał. R.* Ateny Wołyńskie. Szkic z dziejów oświaty w Polsce. Wyd. 2. Lwow; Warszawa; Krakow, 1923.
31. *Zawadzki W.H.* The Man of Honor. Adam Czartoryski as a Statesman of Russia and Poland. 1795-1831. Oxford, 1993.
32. *Bovua D.* Gordiev uzal Rossiyskoy imperii: Vlast', shlyakhta i narod na Pravoberezhnoy Ukraine. 1793–1914. M., 2011.
33. *Bulkina I.* «Izvestnaya famil'ya»: pol'skiy patriot graf Faddey Chatskiy // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*. XII: Mifologiya kul'turnogo prostranstva: K 80-letiyu Sergeya Gennadiyevicha Isakova. Tartu, 2011.
34. *Narezhnyy V.T.* Izbrannye sochineniya: v 2 t. M., 1956. T. 2.
35. *Musienko S.F.* Mif Napoleona v russkoy i pol'skoy proze XIX veka (na primere romanov «Voyna i mir» L. Tolstogo i «Pepel» S. Zheromskogo) // *Mif Evropy v literature i kul'ture Pol'shi i Rossii*. M., 2004.
36. *Gonchar S.V.* Adam Mitskevich i mif Napoleona v pol'skoy literature XIX veka // *Tvorchestvo Adama Mitskevicha i sovremennaya mirovaya kul'tura*. Grodno, 2010.

37. *Fal'kovich S.M.* Mif Napoleona v soznanii polyakov // *Slavyanovedenie*. 2012. № 6.
38. *Neuvazhnyy A., Vasil'ev A.A.* Pol'skie voyska Velikoy armii // *Otechestvennaya voyna 1812 goda: entsikl. M., 2004.*
39. *Lukashevich A.M.* Proekty vosstanovleniya Rechi Pospolitoj i Velikogo Knyazhestva Litovskogo i ikh mesto v voenno-strategicheskom planirovanii Rossiyskoy imperii (1810–1812 gg.) // *Vneshnyaya politika Belarusi v istoricheskoy retrospektive: Materialy mezhdunar. nauch. konf. Minsk, 2002.*
40. *Makarova G.V.* Faktor obshchestvennogo mneniya v period Otechestvennoy voyny 1812 goda: pol'skiy aspekt // *Slavyanovedenie*. 2012. № 6.
41. *Filatova N.M.* Rossiya v politicheskoy propagande Knyazhestva Varshavskogo v khode kampanii 1812 goda // *Slavyanovedenie*. 2012. № 6.
42. *Gazeta Warszawska*. Pril. k № 66.
43. *Pushkin A.S.* Polnoe sobranie sochineniy: v 16 t. T. 3, kn. 1. Stikhotvoreniya, 1817–1825. M.; L., 1947.
44. *Storozhenko N.V.* K istorii malorossiyskikh kazakov v kontse XVIII i v nachale XIX v. Kiev, 1898.
45. *Antonovich V.* Pro kozats'ki chasi na Ukraïni. Kiïv, 1991.
46. *Abalikhin B.S.* Ukrainское opolchenie 1812 g. // *Istoricheskie zapiski*. 1962. T. 72.
47. *Leyberov O.* «Odushevlyayas' lyubov'yu i userdiem k narodu i otechestvu...»: nizhins'ki opolchens'ki polki v napoleonivs'kikh viynakh // *Nezhinskaya starina*. Vyp. 3 (6). Nezhin, 2007.
48. *Kiselev V.S., Vasil'eva T.A.* «Strannoe politicheskoe sonnishche» ili «narod, poyushchiy i plyashushchiy»: konstruirovaniye obraza Ukrainy v russkoy slovesnosti kontsa XVIII – nachala XIX v. // *Tam, vnutri. Praktiki vnutrenney kolonizatsii Rossii*. M., 2012.
49. *Plokhyy S.* The Cossack myth: history and nationhood in the age of empires. Cambridge: University Press, 2012.
50. *Danilevskiy P.* Oda malorossiyskogo prostolyudina na sluchay voennykh deystviy pri nashestvii frantsuzov v predely Rossiyskoy imperii v 1812 godu. SPb., 1813.
51. *Dukh rossiyen, ili Serdechnye chuvstva sibirskogo plavil'nogo mastera Userdova i zaporozhskogo kazaka Tverdovskogo, izobrazhennyye stikhami po sluchayu pobedy, oderzhannoy nad Bonapartiem 14 dekabrya 1806 goda*. SPb., 1807.
52. *Koshits-Kvitnitskiy G.* Oda, sochinennaya na malorossiyskom narechii po sluchayu vremennogo opolcheniya // *Vestnik Evropy*. 1807. Ch. 33, № 9.
53. *Kibal'nik S.A.* «Afinskaya zvezda»: Nikolay Gnedich v Peterburge // *Belye nochi: ocherki, zarisovki, vospominaniya, dokumenty*. L., 1989.
54. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*. Pervoe sobranie (1649–1825). T. 32. 1812–1813. SPb., 1830. № 25289.
55. *Batyushkov K.N.* Vospominanie mest, srazheniy i puteshestviy // *Batyushkov K.N. Opyty v stikhakh i proze*. M., 1977.
56. *Rech', proiznesennaya Ego Imperatorskim Velichestvom pri otkrytii Seyma Tsarstva Pol'skogo v Varshave* // *Ukrainskiy vestnik*. 1818. Ch. 10, kn. 5.
57. *Shil'der N.K.* Imperator Aleksandr Pervyy. Ego zhizn' i tsarstvovanie. T. 4. SPb., 1898.
58. *Filatowa N.* Polska w rosyjskiej mysli historycznej // *Polacy i Rosjanie*. Warszawa, 2002.
59. *Kruchkovskiy T.T., Khilyuta V.A.* «Zapiska o Pol'she» N.M. Karamzina kak opredelenie pol'skogo voprosa v Rossii pervoy treti XIX veka // *Istoriya Pol'shi v istoriograficheskoy traditsii XIX – nachala XX vv.: materialy Mezhdunar. nauch. konf., Grodno, 29-30 oktyabrya 2009 g. Grodno, 2011.*
60. *Iz pisem i pokazaniy dekabristov: Kritika sovremennogo sostoyaniya Rossii i plany budushchego ustroystva / pod red. A.K. Borozdina*. SPb., 1906.
61. *Druzhinin N.* Dekabrist Nikita Murav'ev. M., 1933.
62. *Vostanie dekabristov: dokumenty / pod red. M.V. Nechkinoy*. T. 7. M.; L., 1958.
63. *Gorbachevskiy I.I.* Zapiski dekabrista. M., 1916.
64. *Nechkina M.V.* Dekabristy. M., 1982.
65. *Baumgarten L.* Dekabrysci a Polska. Warszawa, 1952.
66. *Ol'shanskiy P.* Dekabristy i pol'skoe natsional'no-osvoboditel'noe dvizhenie. M., 1959.
67. *Bantysh-Kamenskiy D.N.* Istoriya Maloy Rossii: v 3 ch. M., 1830.
68. *Getman Khmel'nitskiy* // *Ukrainskiy vestnik*. 1816. № 1, 4.
69. *Kvitka I.* O Maloy Rossii // *Ukrainskiy vestnik*. 1816. № 2, 3.

70. *Gribovskiy M.* Istoricheskie zamechaniya o Malorossii ot smerti Bogdana Khmel'nitskogo do Poltavskogo srazheniya // *Ukrainskiy vestnik*. 1816. № 5, 6.

71. *Markov M.* Vvedenie v Malorossiyskuyu istoriyu, ili Kratkoe opisanie yuzhnoy chasti Rossiyskogo gosudarstva vo vremena drevnie: kak nakhodilas' ona vo vladeniyakh Litvy i Pol'shi, kak vozvratilas' Rossii i poluchila nazvanie Malorossii // *Ukrainskiy vestnik*. 1817. № 9, 10.

72. *Zhurba O.I.* Zhurnal'niy period stanovlennya ukraïns'koï arkheografii (Kharkivs'ki zhurnali 10–20-kh rr. KhIKh st.) // *Arkhivi Ukraïni*. 2002. № 1–3.

73. *Ravita F. (Gavronskiy F.)* Foma Padurra: (kriticheskiy ocherk) // *Kievskaya starina*. 1889. T. 26. № 9.

74. *Maslov V.I.* Literaturnaya deyatel'nost' Ryleeva. Kiev, 1912.

75. *Germayze O.* Rukh dekabristiv i ukraïnstvo // *Ukraïna*. 1925. Kn. 6.

76. *Gnatyuk V.* Padura, Rileev i dekabristi // *Zapiski Istorichno-Filologichnogo viddilu VUAN*. Kn. 18. Kiïv, 1928.

77. *O'Mara P. K.F.* Ryleev: Politicheskaya biografiya poeta-dekabrista. M., 1989.

78. *Kirshbaum G.E.* Diskussiya o proiskhozhdenii dum: pol'skaya komponenta // *Tynyanovskiy sbornik. Materialy pyatnadsytkh Tynyanovskikh chteniy / pod red. E.A. Todesa, M.O. Chudakovoy*. M., 2011.

79. *Bilenky S.* Romantic Nationalism in Eastern Europe: Russian, Polish, and Ukrainian Political Imagination. Stanford University Press, 2012.